



**Конвенция против пыток и  
других жестоких, бесчеловечных  
или унижающих достоинство  
видов обращения и наказания**

Distr.: General  
21 June 2024  
Russian  
Original: French

**Комитет против пыток**

**Решение, принятое Комитетом в соответствии  
со статьей 22 Конвенции относительно  
сообщения № 575/2013\* \*\***

<i>Сообщение представлено:</i>	Саиди Нтахираджей (представлен Филипом Грантом, организация «ТРИАЛ интернэшнл»)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	заявитель
<i>Государство-участник:</i>	Бурунди
<i>Дата сообщения:</i>	10 декабря 2013 года (первоначальное представление)
<i>Дата принятия решения:</i>	3 августа 2015 года
<i>Тема сообщения:</i>	пытки во время содержания под стражей с целью получения признательных показаний
<i>Процедурные вопросы:</i>	исчерпание внутренних средств правовой защиты
<i>Вопросы существа:</i>	пытки и жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение; обязательство систематически контролировать практику проведения допросов; обязательство проводить оперативное и беспристрастное расследование; право на эффективное средство правовой защиты; право на возмещение ущерба; недопустимость использования признательных показаний, полученных с помощью пыток
<i>Статьи Конвенции:</i>	1, 2 (пункт 1), 11, 12, 13, 14 и, дополнительно, 16

1.1 Автор сообщения от 10 декабря 2013 года является Саиди Нтахираджа, родившийся в 1975 году в Бурунди. Он утверждает, что Бурунди нарушило его права, предусмотренные пунктом 1 статьи 2; статьями 11, 12, 13 и 14, рассматриваемой в совокупности со статьей 1, а также со статьями 16 Конвенции. Заявителя представляет Филипп Грант из швейцарской ассоциации по борьбе с безнаказанностью «Всегда отслеживайте безнаказанность» (ТРИАЛ интернэшнл).

\* Принято Комитетом на его пятьдесят пятой сессии (27 июля — 14 августа 2015 года).

\*\* В рассмотрении сообщения приняли участие следующие члены Комитета: Эссадия Бельмир, Алессіо Бруни, Сатьябхушун Гупт Дома, Фелис Гаер, Абдулае Гайе, Клаудио Гроссман, Енс Модвиг, Сапана Прадхан-Малла, Георгий Тугуши и Кенин Чжан.



1.2 17 декабря 2013 года во исполнение пункта 1 правила 114 своих правил процедуры Комитет напомнил государству-участнику, что право на подачу жалоб не может ограничиваться положениями внутреннего законодательства и что государство-участник должно эффективно предотвращать любые угрозы или акты насилия, которым может подвергнуться заявитель или его семья, в частности за представление настоящего сообщения. Комитет просил государство-участник проинформировать его о мерах, принятых для достижения этой цели.

#### **Факты в изложении заявителя**

2.1 До событий, описанных в сообщении, заявитель проходил военную службу в военном лагере Нгагара в Бужумбуре (военная полиция) в звании капитана. Он женат, имеет двоих детей.

2.2 По словам заявителя, его задержание было произведено в общем контексте нарушений прав человека в Бурунди, правительство которого явно не стремится к тому, чтобы содействовать правосудию и положить конец безнаказанности. 29 января 2010 года заявитель как обычно пришел на один из пляжей в Бужумбуре, чтобы встретиться с друзьями. Внезапно они услышали крики и выстрелы. Они увидели, что к ним приближается группа из более 50 вооруженных людей, которые производили выстрелы в их направлении и кричали им не двигаться и оставаться на земле. В некоторых из них заявитель узнал сотрудников Национальной службы разведки (НСР), а также начальника штаба Национальной армии Бурунди. Через несколько минут на место прибыла еще одна группа, состоящая из примерно 60 человек в военной форме, в красных беретах и вооруженных пулеметами, автоматами Калашникова и ручными гранатометами. Они вели огонь во всех направлениях. Всем находящимся на пляже военным было приказано лечь на землю. Они подчинились. В отношении заявителя был произведен захват, в котором участвовали сотрудники НСР, командующий 1-м военным округом и семь его телохранителей. Заявителя обвинили в организации государственного переворота.

2.3 Когда он лежал на земле со связанными за спиной руками и был полностью обездвижен, трое военнослужащих, действуя по приказу командира, наносили ему удары. Они били его ногами по голове, а также прикладами винтовок по спине и ногам. Избиение продолжалось около получаса с того момента, как он был схвачен. Затем его затолкали в кузов военного грузовика вместе с другими задержанными. Их доставили в 1-й военный округ вблизи войскового лагеря сил противовоздушной обороны (ПВО) примерно в 20 ч 45 мин.

2.4 За несколько минут до того, как военных затолкали в кузов грузовика, на пляж прибыла журналистка Африканского общественного радио, получившая информацию о происходящем. Ее показания, в которых, в частности, говорится о том, что заявитель и другие военнослужащие подвергались избиениям и жестокому обращению перед тем, как их увезли, совпадают с утверждениями заявителя<sup>1</sup>.

2.5 Когда задержанных доставили в распоряжение 1-го военного округа, присутствовавший на месте министр обороны приказал надеть на них наручники и отвести их в помещение номер один, где они пробыли около часа. Затем заявителя отвели в другое помещение, где находились три сотрудника судебной полиции, которые провели первый допрос. После этого заявителя снова допросили, на этот раз в кабинете командующего 1-м военным округом в присутствии начальника Национальной полиции. Заявитель отрицал все обвинения, и начальник полиции с размаху ударил его стулом по спине. Его раздели догола и поставили на колени на крышки от пивных бутылок. В таком причиняющем боль положении он находился на протяжении всего допроса, который длился более трех часов, и при этом ему продолжали наносить удары по всему телу. В частности, его били ремнем по голове и ногам. На протяжении этого допроса с применением насилия он находился в наручниках со сведенными за спиной руками. Полицейские также симитировали его казнь. Начальник Национальной полиции, направив пистолет ему в лицо,

<sup>1</sup> Эти показания прилагаются к сообщению.

передергивал затвор и требовал, чтобы заявитель согласился со всеми выдвинутыми против него обвинениями и признался в том, что ему вменяют.

2.6 Затем начальник Национальной полиции нанес ему сильный удар рукояткой пистолета по голове. В результате у заявителя открылось настолько сильное кровотечение, что полицейским пришлось обмотать его голову трикотажной тряпкой, чтобы его остановить. Кроме того, начальник порезал заявителю левую руку штык-ножом к автомату Калашникова. Шрам от этого пореза хорошо виден и сегодня<sup>2</sup>. Другой заключенный, задержанный одновременно с заявителем и при тех же обстоятельствах, был доставлен в это же помещение около двух часов ночи. Согласно его показаниям, у заявителя были видимые следы пыток<sup>3</sup>. Этот задержанный, увидев, что произошло с заявителем, назвал заявителя организатором государственного переворота. После этого заявителя продолжили пытать, и он был вынужден согласиться подписать протокол, в котором признавал свое участие в подготовке государственного переворота.

2.7 Около 4 часов утра военный прокурор<sup>4</sup>, полковник Н., проинформированный о применении насилия к заявителю во время допроса, потребовал организовать встречу с начальником Национальной полиции и приказал порвать подписанный заявителем протокол. Этот военный прокурор впоследствии был вынужден бежать из страны из-за получения угроз расправы.

2.8 Вечером следующего дня (на следующий день после задержания заявителя) у него дома был проведен обыск, при этом его жене не было предъявлено соответствующее постановление. В ходе обыска его жена и дети подверглись действиям насильственного характера.

2.9 1 и 2 февраля 2010 года, после неоднократных не увенчавшихся успехом обращений, представители нескольких ассоциаций, включая Ассоциацию в защиту прав человека и заключенных, организации «Хьюман райтс уотч» и «Лига Итека», наконец, смогли встретиться с заявителем. Представители этих организаций смогли получить информацию об обстоятельствах его задержания и перенесенных им пытках, а также увидеть следы полученных им травм. Они открыто рассказали об этом в средствах массовой информации<sup>5</sup>.

2.10 В период с 30 января по 2 февраля 2010 года заявитель содержался под стражей днем в военном лагере Каменге, а ночью — на территории НСР. В течение всего времени его содержания под стражей он оставался в наручниках. 2 февраля 2010 года его посетили представители Международного комитета Красного Креста (МККК)<sup>6</sup>. Во время содержания под стражей в НСР его еще три раза допрашивали с применением силовых методов и угрожали разделаться с ним. Ночью его заставляли раздеваться до гола, надевали на него наручники и связывали колени, и в таком положении он спал на холодном цементном полу. В этот период он был лишен права на свидания.

2.11 5 февраля 2010 года автор сообщения был переведен в тюрьму в провинции Мурамвья. Только там с него сняли наручники. Он был вновь допрошен военным прокурором. Заявитель не признал своей причастности к подготовке предполагаемого государственного переворота и подписал отражающий это протокол.

2.12 В тюрьме провинции Мурамвья он содержался вместе с 30 другими заключенными в камере площадью 25 м<sup>2</sup>, которая была расположена рядом с кухней и постоянно наполнялась дымом. У заявителя возникли проблемы со здоровьем, в том числе развилась хроническая отеочность ног. Медицинскую помощь ему не оказывали.

<sup>2</sup> Фотографии шрамов прилагаются к первоначальному сообщению.

<sup>3</sup> Эти показания прилагаются к первоначальному сообщению.

<sup>4</sup> Речь идет о военном следственном судье, которого заявитель называет военным прокурором.

<sup>5</sup> К сообщению прилагается статья местного СМИ, в которой сообщается об этих фактах.

<sup>6</sup> Все посещения заявителя представителями МККК зарегистрированы, подтверждающие документы прилагаются к сообщению.

Заявитель провел в этой тюрьме 39 дней в ужасных условиях. Дважды его посещали представители МККК.

2.13 2 марта 2010 года заявитель предстал перед коллегией судей суда большой инстанции провинции Мурамвья для рассмотрения его дела по первой инстанции. Он не был представлен адвокатом. На этом слушании он сам заявил о пытках, которым подвергался, и просил о проведении медицинского освидетельствования, в чем ему было отказано. Он не был уведомлен о решении судьи, подтверждающем его содержание под стражей, но был оставлен под стражей.

2.14 16 марта 2010 года его перевели в центральную тюрьму Мпимба в Бужумбуре, где он содержался в течение 2 лет и 9 месяцев в столь же плачевных условиях, а переполненность тюрьмы усугубляла его и без того неважное состояние здоровья. Площадь камеры, в которую его поместили вместе с другим заключенным, составляла около 4 м<sup>2</sup>, в ней было лишь небольшое зарешеченное окно. Дневной рацион составлял 250 граммов фасоли и маниоковой муки. Заявителя восемь раз посетили представители МККК.

2.15 Дело заявителя рассматривалось военными судами. Предъявленные ему обвинения постоянно менялись в ходе разбирательства: от подрыва авторитета командира (начальника) — на досудебной стадии до военного заговора — в суде первой инстанции. Во время разбирательства по делу высказывались мнения в пользу того, что военнослужащие не занимались подготовкой государственного переворота, а начали выдвигать требования, касающиеся условий их службы, в частности заработной платы. Согласно этой гипотезе, задержание военнослужащих было произведено в рамках операции по устранению политических оппонентов в преддверии выборов 2010 года<sup>7</sup>. Письма, направленные министром национальной обороны и по делам ветеранов нескольким военным чиновникам в конце 2009 года, вполне обоснованно наводят на мысль, что цель задержания состояла в том, чтобы заставить замолчать тех, кто выдвигает определенные требования. В этих письмах министр сформулировал ряд указаний, направленных на то, чтобы «избавиться от этих унтер-офицеров и окончательно решить вопрос с их претензиями». Кроме того, в них содержался призыв к военному руководству «уничтожить всех унтер-офицеров, виновных в этом кризисе» и «выгнать из казарм их семьи»<sup>8</sup>.

2.16 12 августа 2010 года Военный совет приговорил заявителя к 10 годам лишения свободы за военный заговор. В своем решении Военный совет отметил, что во время слушаний неоднократно сообщалось о пытках<sup>9</sup>. 13 августа 2010 года заявитель подал апелляцию в Военный суд. В своей жалобе заявитель упоминает пытки, которым он подвергался и в связи с которыми не было принято никаких мер. В обвинительном заключении от 27 января 2011 года прокурор указывает, что заявитель не представил никаких доказательств в поддержку своих утверждений<sup>10</sup>. Вместе с тем прокурор не проводил никакого расследования и не запрашивал заключения медицинского эксперта, несмотря на утверждения о пытках, о которых ему было прекрасно известно, хотя это и является его прямой обязанностью в соответствии со статьей 97 Закона № 1/015 от 20 июля 1999 года о внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс. Все просьбы заявителя о медицинском освидетельствовании и предоставлении ему медицинской помощи остались без удовлетворения.

2.17 28 января 2011 года в своем ответе на заключение генерального прокурора при Военном суде Бужумбуры заявитель вновь сообщил о пытках, которые применяли к нему представители государственных органов, и подчеркнул, что его предыдущие утверждения не были приняты во внимание. Тем не менее 3 марта 2011 года Военный суд оставил в силе решение Военного совета. Суд постановил, что не было представлено никаких доказательств в поддержку утверждений о пытках. Вместе с тем

<sup>7</sup> Заявитель прилагает ряд выдержек из статей в СМИ в поддержку этого аргумента.

<sup>8</sup> Письмо прилагается к сообщению.

<sup>9</sup> Решение Военного совета от 12 августа 2010 года подтверждает, что заявитель сообщил о перенесенных им пытках.

<sup>10</sup> В обвинительном заключении прокурора отмечены утверждения заявителя о пытках без какого-либо ответа на них.

суд не затронул вопрос о том, что в соответствии с законом следственный судья должен был инициировать расследование по столь серьезным обвинениям, в частности запросить заключение эксперта. Суд также проигнорировал тот факт, что, несмотря на многочисленные просьбы заявителя в первые несколько дней его содержания под стражей, он был лишен доступа к медицинской помощи.

2.18 7 марта 2011 года заявитель подал кассационную жалобу на это решение в Верховный суд<sup>11</sup>.

2.19 Пока заявитель ожидал назначения даты слушаний в Верховном суде, находясь в тюрьме Мпимба, в рамках общих мер по снижению переполненности тюрем в стране было принято решение о его условно-досрочном освобождении 24 декабря 2012 года.

2.20 Первые несколько недель после освобождения заявитель скрывался, опасаясь новых посягательств на его физическую и психологическую неприкосновенность. Ему угрожали сотрудники НСР, ведущие за ним активное наблюдение.

### Содержание жалобы

3.1 Заявитель утверждает, что стал жертвой пыток по смыслу статьи 1 Конвенции. Что касается сильной боли и физического или нравственного страдания, то он утверждает, что подвергался чрезвычайно жестокому обращению, которое причинило ему сильные страдания и которое до сих пор сказывается на его здоровье. Во время задержания его избивали до крови в течение 30 минут, хотя он уже был обездвижен; в ходе допроса в первую ночь его тоже жестоко избивали, нанося удары различными предметами по всему телу, в том числе по голове. На протяжении всего допроса он находился в наручниках со сведенными за спиной руками, его насильно раздели догола и заставили встать на колени на крышки от пивных бутылок. В таком причиняющем боль положении он находился более трех часов, при этом его избивали ремнями по всему телу; его левая рука была порезана штык-ножом к автомату Калашникова. Кроме того, заявителя унижали и оскорбляли, содержали в нечеловеческих условиях и неоднократно грозились убить. Как уже отмечалось, свидетелями этих событий были несколько человек (см. выше, в частности пункты 2.4, 2.6 и 2.9, 2.10 и 2.12). У заявителя до сих пор имеются следы пыток на руках и коленях. У него также есть заметный спустя почти четыре года шрам на голове, оставшийся от удара рукояткой пистолета. Соответствующие фотографии прилагаются к сообщению в Комитет. Что касается психологического вреда, то заявитель до сих пор страдает от посттравматического стрессового расстройства.

3.2 Заявитель почти три года содержался под стражей в ужасных условиях, сначала в войсковом лагере сил ПВО, затем в застенках НСР, в центральной тюрьме провинции Мурамвья и, наконец, в центральной тюрьме Бужумбуры. Он отмечает, что Комитет уже приходил к выводу, что подобное обращение в местах лишения свободы, в частности отказ предоставить медицинскую помощь, теснота и переполненность, также являются элементами пыток<sup>12</sup>.

3.3 Заявитель добавляет, что пытки применялись к нему намеренно с целью получения признания и наказания. В момент задержания заявитель находился под полным и эффективным контролем должностных лиц государства, которые составляли многочисленную группу и были хорошо вооружены. Он был полностью ими обездвижен, лежал на животе со связанными за спиной руками. Все эти действия совершались с незаконной целью — наказать человека за то, в чем его только подозревали. Во время допроса в войсковом лагере сил ПВО заявитель подвергался пыткам, поскольку отказывался признаться в причастности к подготовке предполагаемого переворота, в частности в том, что участвовал в собраниях по его планированию. Насилие прекратилось только тогда, когда он согласился подписать

<sup>11</sup> 4 мая 2015 года адвокат заявителя проинформировал Комитет о том, что в сентябре 2014 года Верховный суд отклонил жалобу заявителя (см. пункт 5.20 ниже).

<sup>12</sup> Заявитель ссылается на сообщения № 353/2008, *Слюсарь против Украины*, решение от 14 ноября 2011 года; и № 172/2000, *Димитриевич против Сербии и Черногории*, решение от 16 ноября 2005 года.

протокол, в котором признавал свою вину. Все эти действия совершали по отношению к нему представители государства — военнослужащие Национальной армии и сотрудники НСР, затем это продолжилось в центральной тюрьме Мурамвы и, наконец, в центральной тюрьме Бужумбуры. Таким образом, налицо все элементы пыток, что говорит о нарушении государством-участником статьи 1 Конвенции.

3.4 В качестве альтернативы заявитель утверждает, что действия, которым он подвергся, представляют собой, как минимум, нарушение статьи 16 Конвенции.

3.5 Заявитель также указывает на нарушение пункта 1 статьи 2, рассматриваемого в совокупности со статьей 1. Заявитель предстал перед судьей для решения вопроса о заключении под стражу только через 32 дня после его фактического задержания, что значительно превышает предусмотренный законом семидневный срок. В первые несколько дней содержания под стражей он был лишен права на свидания. Кроме того, в течение первых нескольких недель после задержания ему было отказано в доступе к адвокату. Более того, хотя в связи с состоянием здоровья из-за перенесенных пыток ему, несомненно, требовалась медицинская помощь, заявитель ни разу не был осмотрен врачом и на протяжении всего срока содержания под стражей не получал никакого лечения. Поскольку государство-участник отказало заявителю в доступе к медицинской помощи, не было составлено медицинское заключение, которое позволило бы установить факт перенесенных пыток, следовательно, не было обеспечено право заявителя на эффективную судебную защиту.

3.6 Государство-участник также не выполнило свои обязательства по расследованию случаев пыток и привлечению виновных к ответственности (см. пункты 2.13 и далее настоящего документа). До сих пор, несмотря на многочисленные шаги, предпринятые с целью осуждения примененных пыток, не было возбуждено расследование, которое позволило бы установить факты и определить виновных. Следственный судья и судьи, на рассмотрении которых находилось дело, не заявляли ходатайства о привлечении эксперта, несмотря на утверждения заявителя. Последний так и не был услышан, а виновные, хотя их было несложно установить, так и не были привлечены к ответственности. Кроме того, заявитель и организации, действующие от его имени, обращались в административные и государственные органы. Таким образом, власти Бурунди были в полной мере информированы по различным каналам о пытках, которым подвергался заявитель, и, следовательно, не могли не знать об этом. Среди лиц, ответственных за применение пыток к заявителю, фигурируют члены НСР, поэтому с учетом того, каким влиянием они обладают, дальнейшие попытки заявителя добиться принятия мер на внутреннем уровне будут представлять для него дополнительную опасность.

3.7 Государство-участник также нарушило статью 11 Конвенции, поскольку не обеспечило необходимого надзора за обращением с заявителем во время его содержания под стражей. Кроме того, поскольку приказы исходили от командования бурундийской армии и Национальной полиции, едва ли можно было ожидать, что они воспрепятствуют совершению этих действий своими подчиненными. Более того, был допущен ряд процессуальных нарушений, в частности при задержании заявителя, проведении обыска в его доме и во время его содержания под стражей. Действительно, заявителю не было предъявлено постановление о задержании; обыск в его доме производился поздно ночью, в травмирующих для семьи условиях и без предъявления постановления о производстве обыска; в первые несколько дней содержания под стражей заявитель был лишен права на свидания; ему было отказано в доступе к адвокату в течение первых нескольких недель после задержания; и, наконец, он предстал перед судьей для рассмотрения вопроса о его заключении под стражу до суда только через 32 дня после фактического задержания. Заявитель отмечает, что в Бурунди не существует эффективного и независимого механизма наблюдения за местами содержания под стражей. В 2006 году Комитет выразил обеспокоенность отсутствием эффективного систематического наблюдения за функционированием всех мест содержания под стражей, в частности посредством регулярных незапланированных посещений этих мест национальными инспекторами, а также в рамках механизма законодательного и судебного надзора (см. CAT/C/BDI/CO/1, пункт 19).

3.8 Заявитель считает, что государство-участник нарушило статьи 12 и 13 Конвенции. Оно не выполнило свою обязанность провести быстрое и беспристрастное расследование несмотря на то, что власти были прекрасно информированы о пытках, которым подвергался заявитель, благодаря публичным заявлениям и прямым обращениям правозащитных организаций, которые широко освещались в СМИ, а также благодаря многочисленным обращениям самого заявителя в различные судебные органы, каждый из которых был компетентен начать расследование этих серьезных обвинений. Аналогичным образом государство-участник не приняло никаких мер для защиты заявителя от запугивания в связи с мерами, инициированными им в судебных органах.

3.9 Наконец, заявитель утверждает о нарушении статьи 14 Конвенции, поскольку государство-участник не выполнило обязательство гарантировать ему право на компенсацию, при том, что с момента описываемых событий прошло уже пять лет. Заявителю не были предоставлены какие-либо меры по реабилитации, направленные на достижение максимально возможного физического, психологического, социального или финансового восстановления после перенесенных пыток. Он по-прежнему находится в крайне тяжелом положении. Ему не были обеспечены меры по адаптации к обычной жизни. Он не был восстановлен в армии и испытывает большие трудности с возвращением в профессиональную и социальную жизнь. Никаких мер в отношении виновных в пытках принято не было; соответственно, они не понесли никакой ответственности. Их действия остаются безнаказанными. При этом государство-участник также не приняло мер, гарантирующих, что эти события не повторятся в будущем.

#### **Замечания государства-участника в отношении приемлемости и существа сообщения**

4.1 28 апреля 2014 года государство-участник представило свои замечания относительно приемлемости и по существу сообщения.

4.2 Государство-участник оспаривает приемлемость сообщения в связи с тем, что не были исчерпаны внутренние средства правовой защиты, поскольку жалоба, поданная заявителем генеральному прокурору Республики, все еще находится на рассмотрении и решение по ней еще не принято. Кроме того, заявитель также подал кассационную жалобу в Верховный суд Бурунди на решение Военного суда. На момент представления замечаний производство по жалобе продолжалось<sup>13</sup>.

4.3 По существу дела государство-участник опровергает все утверждения заявителя, в частности утверждения о пытках, которые не были подтверждены доказательствами. Более того, вопреки утверждениям заявителя, было установлено, что он был главарем злоумышленников и был задержан за совершение вменяемых ему деяний на месте преступления.

4.4 Государство-участник отмечает, что, говоря о том, что в Бурунди на протяжении многих лет и вплоть до сегодняшнего дня царит безнаказанность, заявитель стремится продемонстрировать, что он сам пострадал от этой безнаказанности именно из-за такой ситуации в стране.

4.5 Что касается утверждений о пытках и доказательствах, на которые ссылается заявитель, государство-участник отмечает, что заявления другого заключенного (см. пункт 2.6 выше) не могут рассматриваться в качестве доказательств, поскольку у этого заключенного не было иного выбора, кроме как поддержать своего сообщника, хотя бы из чувства солидарности, даже если его показания были ложными. Более того, сотрудникам судебной полиции, проводившим слушания и допросы, не было никакой необходимости пытаться заявителя, поскольку вся информация о том, что замыслилось, уже была раскрыта вторым обвиняемым.

<sup>13</sup> С тех пор Верховный суд уже вынес свое решение, см. пункт 5.20 ниже.

4.6 Что касается перевода заявителя из одного места содержания под стражей в другое, то это совершенно нормальная практика, используемая для повышения эффективности расследований, а не для ухудшения условий содержания подозреваемых с целью применения к ним пыток.

4.7 Действия военных во время задержаний, о которых сообщали и в отношении которых приводили конкретные факты журналисты и правозащитные организации, повлекли за собой причинение травм только по той причине, что военные-путчисты, к которым относится и заявитель, оказывали сопротивление. Журналистка, которая якобы была свидетелем предполагаемых событий, на самом деле прибыла на место только к завершению операции по задержанию, прямо перед тем, как заявителя и других подозреваемых увезли.

4.8 Плохие условия содержания под стражей заявителя ничем не отличаются от условий содержания других заключенных в Бурунди — это связано с нехваткой ресурсов и иногда с переполненностью тюрем. Государство-участник неустанно занимается проблемой неудовлетворительных условий содержания под стражей, и они не представляют собой акт пытки в отношении заявителя. Кроме того, заявитель не утверждает, что подвергался пыткам в этих тюрьмах.

4.9 Утверждения заявителя лишены оснований, о чем свидетельствуют различные решения судов и трибуналов по данному делу, которыми назначены или оставлены в силе суровые приговоры в отношении обвиняемых, включая заявителя. Заявитель, тем не менее, подал жалобу прокурору Республики. Ему предстоит рассмотреть эту жалобу, которая касается относительно давних и, бесспорно, сложных событий. Несмотря на то, что производство по жалобе еще не завершено, заявитель обратился в Комитет, проигнорировав обязательство исчерпать внутренние средства правовой защиты.

4.10 Что касается предполагаемых пыток, государство-участник вновь заявляет, что правозащитные организации лишь поддержали утверждения заявителя, не предоставив никаких конкретных доказательств; что страдания, описанные заявителем, были лишь следствием обращения, которому он подвергся во время задержания; что производившие задержание представители военных властей столкнулись с сопротивлением со стороны задерживаемых, включая заявителя, и поэтому их нельзя обвинить в преднамеренном совершении насильственных действий. Государство-участник считает, что оскорбления в адрес заявителя и других подозреваемых должны рассматриваться с учетом контекста и не могут представлять собой акты пыток. Заявитель сам признает, что был «обездвижен» в процессе задержания, и это подтверждает, что задержанию предшествовала драка и что травмы были получены в результате драки, поэтому их нельзя приравнивать к последствиям пытки.

4.11 Заявителю следует быть благодарным государству-участнику за проявленное милосердие и решение о его условно-досрочном освобождении 24 декабря 2012 года.

4.12 Имитация казни во время допроса, о которой говорит заявитель, не может быть приравнена к акту пыток, это, вероятно, было сделано с целью «сдерживания». Государство-участник также опровергает утверждение заявителя о том, что после задержания ему не была оказана медицинская помощь; государство-участник придерживается мнения, что в соответствии с международными стандартами все задержанные имеют право на доступ к медицинской помощи. Более того, заявителю была оказана необходимая помощь, когда этого требовало его состояние здоровья<sup>14</sup>.

4.13 Что касается писем министра национальной обороны и по делам ветеранов, направленных нескольким военным чиновникам в конце 2009 года (см. пункт 2.15 выше), то государство-участник отмечает, что, вопреки выводам заявителя, эти письма касались не одного конкретного человека, а группы лиц, лидером которой был заявитель. Государство-участник также отмечает, что судебный процесс по делу

<sup>14</sup> Государство-участник не представило никаких доказательств получения заявителем упомянутой медицинской помощи.



заявителя и его соучастников проводился в соответствии с национальным законодательством, обвиняемые пользовались помощью адвоката, им было обеспечено право на защиту. Несмотря на серьезность обвинений, государство-участник проявило милосердие, освободив заявителя и других фигурантов по этому делу условно-досрочно.

4.14 Что касается статьи 11, государство-участник отмечает, что все задержанные регистрируются в журнале, будь то в полицейских участках или тюрьмах, и что все задержанные имеют право на юридическую помощь, даже бесплатную; что в таком праве заявителю не могло быть отказано. Вопреки утверждениям заявителя, его, как и всех остальных заключенных, навещали родственники, ему было предоставлено разрешение на выход из исправительного учреждения, и он обжаловал свой приговор; у него была возможность направлять обращения в административные органы и руководителям различных правозащитных организаций.

4.15 Что касается государственного обвинения, то государство-участник отмечает, что следственный судья, обвиняемый в применении пыток, не мог инициировать расследование в отношении самого себя; поэтому подавать жалобу должен был заявитель; на сегодняшний день заинтересованная сторона действительно подала жалобу генеральному прокурору, который обязательно проведет расследование и вынесет справедливое решение после тщательного исследования фактов. Однако целесообразность такого расследования при сотрудничестве заявителя представляется сомнительной, поскольку он счел внутренние средства правовой защиты бесполезными, так как представил сообщение в Комитет, фактически отказавшись от жалобы в прокуратуру.

4.16 В противовес тому, что утверждает заявитель, государство-участник приняло все законодательные и иные меры для предотвращения практики пыток; Уголовный кодекс 2009 года содержит отдельный раздел, посвященный определению пытки и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказанию за их совершение (статьи 204–209 Уголовного кодекса) — это одно из важнейших нововведений в кодексе.

4.17 Что касается статьи 12, государство-участник вновь заявляет, что, учитывая отсутствие доказательств предполагаемых пыток, которым подвергался заявитель во время допросов, судебные органы не могли распорядиться о проведении расследования, не имея для этого никаких оснований, тем более что утверждения заявителя были сделаны лишь для того, чтобы привлечь внимание общественности и избежать возбужденного против него судебного разбирательства.

4.18 Ввиду того, что факт применения пыток к заявителю не был доказан, не может идти речи о нарушении государством-участником статьи 13. Поэтому жалобу по этой статье следует отклонить, кроме как в случае, если результаты расследования генерального прокурора Республики приведут к иному выводу, если заинтересованная сторона представит доказательства своих обвинений.

4.19 Относительно статьи 16 государство-участник отмечает, что утверждения заявителя касаются только аргумента о переполненности мест содержания под стражей без учета того факта, что он был там не один и разделял эти трудности со многими другими заключенными.

4.20 Что касается мер защиты, запрошенных заявителем в связи с возможными репрессиями против него, то государство-участник отмечает, что заявитель смог подать жалобу прокурору Республики, не опасаясь за свою физическую неприкосновенность; что государство-участник милосердно предоставило ему условно-досрочное освобождение; и что по сей день он обладает полной свободой перемещения. Государство-участник подчеркивает свое обязательство защищать людей, живущих на его территории, и отмечает, что ни один человек, подавший жалобу в Комитет, из-за этого не пострадал и что основания для принятия специальных мер отсутствуют.

### Комментарии заявителя в отношении приемлемости и существа сообщения

5.1 17 августа 2014 года заявитель отметил, что государство-участник не выполнило свое процессуальное обязательство четко уведомить Комитет о том, на какой стадии находится внутреннее разбирательство в отношении заявителя.

5.2 Государство-участник полагает, что заявитель не должен был жаловаться на перенесенные им пытки и добиваться справедливости, поскольку был освобожден, и что, обратившись в Комитет, он поставил под сомнение авторитет государственных органов. Такая позиция неприемлема, учитывая серьезность рассматриваемых фактов. В пункте 2 статьи 2 Конвенции без малейшей двусмысленности установлено, что никакие исключительные обстоятельства не могут служить оправданием пыток, и в качестве примера прямо указано на ситуации внутренней политической нестабильности. Положив на чаши весов освобождение заявителя, которое к тому же соответствовало установленным критериям, подлежащим объективному и беспристрастному применению, и его обращение в Комитет в попытке добиться справедливости, государство-участник поощряет безнаказанность лиц, совершивших пытки, и пытается воспрепятствовать возбуждению процедур для обеспечения правосудия в интересах пострадавших. Заявитель всего лишь воспользовался правом, признанным самим государством-участником в соответствии со статьей 22 Конвенции.

5.3 Что касается аргумента государства-участника, приведенного в пункте 4.15 выше, то передача дела в Комитет никоим образом не влечет за собой отказ от жалобы, поданной в судебные органы Бурунди. Обращение в Комитет стало ответом на пассивность судебных органов, несмотря на многочисленные и тщетные попытки заявителя добиться от них каких-то действий.

5.4 Что касается целесообразности мер защиты, то ответственность за пытки лежит на высокопоставленных офицерах Национальной армии и сотрудниках НСР, обладающих значительной властью и влиянием. Этот факт вполне обоснованно заставляет заявителя опасаться репрессий, тем более с учетом широко распространенной безнаказанности, которой пользуются лица, совершающие подобные преступления, о чем подробно говорится в первоначальном сообщении. Резкое ухудшение ситуации в этом отношении критиковалось многими правозащитными организациями и Организацией Объединенных Наций<sup>15</sup>.

5.5 Заявитель признает, что временные меры, принятые в рамках рассмотрения Комитетом сообщений в отношении Бурунди, во всех случаях соблюдались. И это еще одно доказательство своевременности и целесообразности этих мер и следует их поощрять и призывать государство-участник к их дальнейшему соблюдению.

5.6 По вопросу об исчерпании внутренних средств правовой защиты следует отметить, что, как предусмотрено статьей 22, заявитель освобождается от этого требования, если применение этих мер неоправданно затягивается. Так, Комитет счел, что задержка в 15 месяцев до начала расследования утверждений о применении пыток, которое впоследствии не было завершено в течение двух лет, предшествовавших рассмотрению сообщения Комитетом, представляет собой чрезмерную задержку, освобождающую заявителя от обязанности исчерпания внутренних средств правовой защиты<sup>16</sup>. Комитет признавал неоправданными даже более краткие задержки. Он также ранее приходил к выводу, что 19 дней — слишком продолжительный срок с точки зрения необходимости оперативного начала расследования<sup>17</sup>. Поэтому аргумент о том, что расследование по фактам, о которых стало известно 2 марта 2010 года, то есть более 5 лет назад, все еще продолжается, неприемлем. Это, несомненно, чрезмерная задержка, с учетом которой Комитет, руководствуясь своей практикой,

<sup>15</sup> Заявитель ссылается, в частности, на статью «Burundi : Navi Pillay dénonce les restrictions croissantes des droits civils et politiques avant les élections de 2015» от 7 марта 2014 года.

<sup>16</sup> Сообщение № 8/1991, *Халими Недзиби против Австрии*, решение от 18 ноября 1993 года, п. 6.2.

<sup>17</sup> Сообщение № 59/1996, *Бланко Абад против Испании*, решение от 14 мая 1998 года, п. 8.2.

должен освободить заявителя от обязанности исчерпать внутренние средства правовой защиты.

5.7 Кроме того, следует отметить, что государство-участник не представило ни одного документа, подтверждающего, что расследование все еще ведется, хотя только оно может представить такие материалы, будь то документы расследования, протоколы судебных заседаний или стенографические отчеты. Закономерно возникает сомнение в том, что такое расследование вообще проводится. Статья 12 Конвенции не требует ни формальной подачи жалобы, ни даже прямого заявления о намерении инициировать возбуждение уголовного дела<sup>18</sup>.

5.8 Наконец, в своих комментариях государство-участник, как представляется, не дает четкого ответа на вопрос, намерено ли оно в принципе расследовать это дело. С одной стороны, оно призывает Комитет направить заявителя в судебные органы Бурунди для соблюдения надлежащей процедуры. С другой, учитывая, что заявитель отказался от внутреннего разбирательства, передав дело в Комитет, оно заявляет, что было бы неуместно просить Бурунди начать расследование. Такое отсутствие ясности еще больше укрепляет мнение о том, что внутренние средства правовой защиты не принесут заявителю никакой пользы и поэтому неэффективны.

5.9 Что касается существа дела, то, вопреки утверждению государства-участника, заявитель представил доказательства в поддержку своих утверждений, что было убедительно продемонстрировано в первоначальной жалобе. Во-первых, показания журналистки, которая не заявляет, что присутствовала на протяжении всей операции, но была, тем не менее, непосредственным свидетелем части событий, позволяют получить представление о том, в каком состоянии находились задержанные военнослужащие. Журналистка также сообщает, что, когда военнослужащие уже лежали на земле и практически не могли пошевелиться, на них продолжали «наступать ногами».

5.10 Кроме того, второй заключенный, на которого ссылается заявитель, сам подал жалобу в Комитет (сообщение № 553/2013). Более того, представители упомянутых правозащитных организаций опирались не на слова заявителя, а на свои собственные наблюдения во время посещения лагеря сил ПВО и встреч с заключенными, включая заявителя. После беседы с ним неправительственные организации сообщили, что «на его теле были видны следы пыток».

5.11 Государство-участник опускает другие элементы представленных доказательств, в том числе фотографии следов пыток, которые заметны по сей день, спустя несколько лет после произошедшего и которые соответствуют приведенному заявителем описанию пыток, в частности тому, что его заставляли стоять на коленях на крышках от пивных бутылок и что его били по голове и другим частям тела. Напрашивается вывод, что в отсутствие каких-либо комментариев со стороны государства-участника обоснованность этих элементов не может быть оспорена.

5.12 Что касается имитации казни, то Комитет против пыток уже отмечал, что прицеливание в голову из пистолета представляет собой форму пытки (см. CAT/C/75, пункт 143). Кроме того, и Комитет против пыток, и Комитет по правам человека неоднократно отмечали, что угрозы, в частности жизни человека, в сочетании с другими действиями представляют собой пытки (см. A/52/44, пункт 257)<sup>19</sup>. Кроме того, оскорбления в адрес лица, находящегося под контролем государственных служащих, повышают градус причиняемых страданий и унижения и, таким образом, приравниваются к пытке.

<sup>18</sup> Заявитель, в частности, ссылается на сообщения № 6/1990, *Парот против Испании*, решение от 2 мая 1995 года, и *Бланко Абад против Испании*.

<sup>19</sup> Заявитель, в частности, ссылается на сообщения № 258/2004, *Мостафа Дадар против Канады*, решение от 23 ноября 2005 года; № 279/2005, *К.Т. и К.М. против Швеции*, решение от 17 ноября 2006 года. Комитет по правам человека, сообщение № 1353/2005, *Нджару против Камеруна*, сообщения приняты 19 марта 2007 года, пп. 3.1 и 6.1.

5.13 Что касается условий содержания под стражей, то Комитет уже имел возможность сделать вывод о том, что при решении вопроса о том, является ли задержанный жертвой пыток, должны приниматься во внимание плохие условия содержания под стражей, в частности отсутствие медицинской помощи или ее ненадлежащее качество, скученность и переполненность<sup>20</sup>. К сожалению, международное признание права заключенных на медицинское обслуживание не гарантирует соблюдение этого принципа на практике. По словам заявителя, ему не оказывали необходимой по состоянию здоровья помощи. Аналогичным образом довод о том, что условия содержания под стражей одинаково плохие для всех заключенных из-за нехватки ресурсов, не делает ситуацию с заявителем приемлемой и никоим образом не освобождает государство-участник от ответственности за это.

5.14 Заявитель утверждает, что пытки, которым он подвергся во время задержания и которые государство-участник, к сожалению, называет «происшествиями», отрицая по сути их серьезность, применялись с целью наказания. Комитет уже признавал в недавнем решении против Бурунди, что избивание человека большим количеством полицейских, которые затем приступили к его задержанию, вне рамок допроса или заключения под стражу, имело своей целью наказание и запугивание и должно было быть квалифицировано как пытка по смыслу статьи 1 Конвенции<sup>21</sup>. Кроме того, заявитель не был вооружен, и этот факт не был опровергнут или как-либо отмечен государством-участником.

5.15 Что касается писем министра обороны, то тот факт, что они касались всей группы, частью которой был заявитель, совершенно не отменяет их агрессивного характера. Более того, напрашивается вывод, что эти действия были преднамеренными и спланированными.

5.16 Опровергая слова государства-участника, заявитель утверждает, что не был доставлен к судье в установленный законом срок для подтверждения его заключения под стражу; что в первые несколько дней содержания под стражей к нему не пускали посетителей и что неправительственной организации изначально также было отказано в доступе к заключенным военнослужащим; что в течение первых недель нахождения под стражей ему не разрешали видеться с адвокатом и что использованные им средства правовой защиты касались не его жалобы на пытки, а судебного разбирательства в отношении него; что он не получил надлежащей медицинской помощи; и, наконец, что его жалоба не была незамедлительно рассмотрена и он так и не получил никакого возмещения.

5.17 Что касается статей 12 и 13, то власти должны были начать такое расследование по собственной инициативе на основании утверждений, неоднократно сделанных заявителем; согласно тем же статьям, они должны были возбудить расследование незамедлительно и оперативно его провести. По уже упомянутым причинам налицо нарушение также статьи 14.

5.18 Наконец, что касается статьи 16, то, как уже отмечалось, аргумент о том, что условия содержания под стражей одинаковы для всех заключенных, не делает ситуацию с заявителем приемлемой и никоим образом не освобождает государство-участник от ответственности в этом отношении. Заявитель ссылается, в частности, на недавнее решение Комитета по Бурунди, в котором он пришел к выводу, что неудовлетворительные условия содержания под стражей, которым заявитель подвергался по вине бурундийских властей, представляли собой нарушение статьи 16 Конвенции и, следовательно, были равносильны жестокому и бесчеловечному обращению<sup>22</sup>.

5.19 В свете вышесказанного заявитель просит Комитет признать нарушение вышеупомянутых статей; призвать государство-участник провести оперативное, тщательное и эффективное расследование по факту применения пыток;

<sup>20</sup> Заявитель, в частности, ссылается на сообщения *Слюсарь против Украины и Димитриевич против Сербии и Черногории*.

<sup>21</sup> Сообщение № 503/2012, *Нтикараера против Бурунди*, решение от 12 мая 2014 года, п. 6.2.

<sup>22</sup> *Нтикараера против Бурунди*, п. 6.6.

и рекомендовать ему предоставить автору сообщения соответствующее возмещение, включая компенсацию материального и нематериального ущерба, реституцию, реабилитацию, удовлетворение и гарантии неповторения; а также просить государство-участник внести изменения в законодательство, с тем чтобы преследование за акты пыток, независимо от контекста их совершения, не имело срока давности и чтобы было четко закреплено обязательство властей проводить независимые и беспристрастные расследования *ex officio*, как только им становится известно об актах пыток, совершенных их должностными лицами.

5.20 4 мая 2015 года адвокат заявителя сообщил Комитету, что 30 июля 2014 года в Верховном суде наконец-то состоялось слушание по кассационной жалобе, но заинтересованные стороны, включая заявителя, не были вызваны в суд. Он добавил, что в сентябре 2014 года Верховный суд вынес решение оставить кассационную жалобу без удовлетворения. Решение не было официально доведено до сведения заявителя, который узнал о нем от другого фигуранта по тому же делу, присутствовавшего на этом заседании.

### **Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете**

#### *Рассмотрение вопроса о приемлемости*

6.1 Прежде чем рассматривать жалобу, содержащуюся в сообщении, Комитет в соответствии с требованиями пункта 5 а) статьи 22 Конвенции удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается по какой-либо другой процедуре международного расследования или урегулирования.

6.2 Комитет отмечает, что государство-участник оспорило приемлемость сообщения на том основании, что не были исчерпаны внутренние средства правовой защиты, поскольку кассационная жалоба на приговор заявителя все еще находилась на рассмотрении, и не было завершено расследование, проводимое генеральным прокурором Республики по утверждениям заявителя о применении пыток. Что касается первого возражения против приемлемости, Комитет отмечает, что после представления государством-участником своих замечаний Верховный суд, как сообщается, вынес решение, отклонив кассационную жалобу заявителя и других обвиняемых<sup>23</sup>. Комитет отмечает, что государство-участник не оспаривает это утверждение. В этих обстоятельствах и без необходимости принятия Комитетом решения о целесообразности такого средства правовой защиты в отношении утверждений заявителя о пытках Комитет считает, что данный довод в пользу неприемлемости сообщения утратил свою актуальность.

6.3 Что касается второго утверждения о неприемлемости, Комитет отмечает, что заявитель неоднократно обращался с жалобами в компетентные национальные органы. Государство-участник не отрицает, что в ходе судебного разбирательства, начавшегося в марте 2010 года, заявитель жаловался на пытки во время задержания и в ходе допросов. Поэтому Комитет считает, что компетентные органы были осведомлены об утверждениях заявителя о пытках. Он напоминает, что правило об исчерпании внутренних средств правовой защиты неприменимо, если их использование было или может быть неоправданно затянuto или же если вероятность обеспечения эффективной защиты с их помощью мала<sup>24</sup>. Комитет считает, что заявитель предпринял все возможные разумные шаги для исчерпания внутренних средств правовой защиты, но безрезультатно. Согласно протоколам и стенографическим отчетам о судебных заседаниях, копии которых были представлены Комитету, прокурор был проинформирован об обвинениях, выдвигаемых заявителем,

<sup>23</sup> 4 мая 2015 года адвокат заявителя проинформировал Комитет о том, что 30 июля 2014 года состоялось слушание в Верховном суде. Однако заявитель и другие заинтересованные лица не были вызваны в суд, за исключением одного из фигурантов дела, который и передал эту информацию. В сентябре 2014 года Верховный суд принял решение оставить кассационную жалобу без удовлетворения. Заинтересованные стороны не были уведомлены об этом решении. Поэтому адвокат не смог представить указанное решение.

<sup>24</sup> Сообщение № 441/2010, *Евлоев против Казахстана*, решение от 5 ноября 2013 года, п. 8.6.

в марте 2010 года. Однако до сих пор нет никаких доказательств того, что прокуратура провела какое-либо расследование или предприняла другие действия. Поэтому Комитет считает, что процедура обжалования была необоснованно затянута и что положения пункта 5 b) статьи 22 Конвенции не препятствуют его рассмотрению жалобы по существу.

6.4 Комитет приходит к выводу, что сообщение является приемлемым в соответствии с пунктом 5 b) статьи 22 Конвенции.

#### *Рассмотрение по существу*

7.1 Комитет рассмотрел жалобу с должным учетом всей информации, предоставленной ему сторонами, в соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции.

7.2 Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что 29 января 2010 года, во время его задержания сотрудниками Национальной службы разведки, а также командующим 1-м военным округом и семью его телохранителями его избивали до крови в течение 30 минут, несмотря на то, что он и так уже не мог двигаться; что в ходе допроса в первую ночь его тоже жестоко избивали, нанося удары различными предметами по всему телу, в том числе по голове; что на протяжении всего допроса он находился в наручниках со сведенными за спиной руками, его насильно раздели догола и заставили встать на колени на крышки от пивных бутылок и в этом положении он находился более трех часов, и при этом его еще и избивали ремнями по всему телу; и что его левая рука была порезана штык-ножом к автомату Калашникова. Комитет отмечает утверждение заявителя о том, что его унижали и оскорбляли, содержали в нечеловеческих условиях и неоднократно угрожали убить. Комитет отмечает, что, по словам заявителя, такое обращение с ним во время задержания и допроса имело целью наказать его и добиться признания.

7.3 Комитет принимает к сведению ответ государства-участника о том, что обращение, которому заявитель подвергся во время задержания и которое оставило следы на его теле, было спровоцировано его сопротивлением — отреагировать было необходимо, чтобы его усмирить. Комитет отмечает ответ государства-участника о том, что заявитель не смог представить никаких доказательств того, что к нему применялись пытки во время допроса. Комитет также принимает к сведению ответ государства-участника о том, что имитация казни заявителя не может быть приравнена к пыткам, а скорее является «сдерживающей» мерой.

7.4 Комитет констатирует, что заявитель представил большой объем материалов в поддержку своего сообщения в Комитет, включая показания журналистки, присутствовавшей при задержании, и лица, содержавшегося под стражей вместе с ним, доклады правозащитных организаций, имевших возможность побеседовать с заявителем во время его содержания под стражей, и фотографии следов пыток на теле заявителя, подтверждающие его утверждения. Комитет отмечает, что в отношении обращения в процессе задержания и угроз жизни заявителя во время допроса государство-участник лишь утверждает, что такое обращение не может быть приравнено к пытке, не отрицая при этом сам факт его применения.

7.5 На основании представленной ему информации Комитет приходит к выводу о наличии всех признаков пыток и что обращение, которому подвергся заявитель во время задержания и допроса, представляет собой нарушение статьи 1 Конвенции.

7.6 Комитет также отмечает, что в дополнение к этому жестокому обращению заявитель подвергался унижению и наказанию, например во время одного из допросов его заставили раздеться и спать на холодном бетонном полу в наручниках и со связанными коленями; и что государство-участник не оспорило эти утверждения. Комитет также принимает к сведению утверждение о том, что такое обращение было применено на фоне того, что заявитель в течение 32 дней не имел права на посещения, не доставлялся к судье и не имел доступа к адвокату и медицинской помощи; и что, помимо отрицания, государство-участник не представило никаких доказательств, опровергающих столь серьезные утверждения. Комитет приходит к выводу, что унижение и экстремальные условия содержания под стражей, а также жестокое

обращение и очевидное отсутствие медицинской помощи, необходимой вследствие такого обращения, также представляют собой нарушение статьи 1 Конвенции.

7.7 В том, что касается статьи 16 Конвенции, Комитет отмечает, что после допросов, проходивших в ненадлежащих условиях содержания под стражей, заявителя на 39 дней заключили в тюрьму Мурамвы, где он содержался в условиях переполненности, не получая необходимую медицинскую помощь, и без соответствующего судебного надзора за его предварительным заключением; что затем его перевели в центральную тюрьму Мпимба в Бужумбуре, где он содержался вместе с другим заключенным в течение 2 лет и 9 месяцев в камере площадью около 4 м<sup>2</sup>, в которой было одно маленькое зарешеченное окно; и что рацион питания, по его словам, был минимальным. Комитет отмечает, что государство-участник признает, что заявитель содержался в ненадлежащих условиях. Комитет также напоминает о глубокой обеспокоенности, выраженной в его последних заключительных замечаниях по Бурунди в связи с переполненностью тюрем в стране (см. [CAT/C/BDI/CO/2](#), пункт 15). В обстоятельствах данного дела Комитет считает, что условия содержания заявителя под стражей с момента его задержания 29 января 2010 года до условно-досрочного освобождения представляют собой отдельное нарушение статьи 16 Конвенции в его отношении.

7.8 Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что государство-участник нарушило свои обязательства по предупреждению актов пыток и наказанию за них, предусмотренные пунктом 1 статьи 2, рассматриваемым в совокупности со статьей 1 Конвенции. Комитет в этой связи отмечает, что, по утверждению заявителя, он предстал перед судьей для рассмотрения вопроса о его заключении под стражу до суда только через 32 дня после задержания; что в первые несколько дней содержания под стражей он был лишен права на свидания; что ему было отказано в доступе к адвокату в течение первых нескольких недель после задержания; и что у него не было доступа к медицинской помощи, когда она была ему необходима<sup>25</sup>. Комитет отмечает, что государство-участник просто отклонило утверждения заявителя как необоснованные, не представив, однако, никаких доказательств или документов, подтверждающих, что заявитель был доставлен к судье в установленный законом срок, или каких-либо документов или записей, свидетельствующих о посещении заявителя адвокатами и врачами. В свете информации, предоставленной Комитету, он приходит к выводу, что заявитель был и остается жертвой нарушения пункта 1 статьи 2, рассматриваемого в совокупности со статьей 1 Конвенции.

7.9 Комитет принимает к сведению довод заявителя о том, что государство-участник также нарушило статью 11 Конвенции, поскольку не обеспечило необходимого надзора за обращением с заявителем во время его содержания под стражей; Комитет также отмечает, что во время его задержания и содержания под стражей было допущено множество процессуальных нарушений, при этом судебные органы не обратили внимания ни на одно из них. Комитет напоминает о своих последних заключительных замечаниях по Бурунди, в которых он выразил обеспокоенность по поводу чрезмерной продолжительности содержания под стражей в полиции и многочисленных случаев превышения предельного срока содержания под стражей; несоблюдения основных правовых гарантий лиц, лишенных свободы; отсутствия положений, гарантирующих малоимущим лицам доступ к врачам и юридической помощи; злоупотребления практикой заключения под стражу в отсутствие регулярной проверки законности решений о заключении под стражу и ограничений его общей продолжительности (см. [CAT/C/BDI/CO/2](#), пункт 10). В данном случае, как представляется, никакого судебного контроля не осуществлялось, и заявитель предстал перед судьей только через 32 дня после задержания; в первые дни содержания под стражей он не имел возможности видеться с адвокатом и семьей; и в тот же период подвергался пыткам. При этом ни одно из этих утверждений не было опровергнуто представленным государством-участником документом, подтверждающим осуществление надзора за содержанием заявителя под

<sup>25</sup> Сообщения № 269/2005, *Али Бен Салем против Туниса*, решение от 7 ноября 2007 года, п. 16.4; и № 402/2009, *Абдельмалека против Алжира*, решение от 23 мая 2014 года, пункт 11.5.

стражей. В отсутствие какой-либо убедительной информации, опровергающей утверждение заявителя, Комитет приходит к выводу, что в данном случае государство-участник нарушило статью 11 Конвенции.

7.10 Что касается статей 12 и 13 Конвенции, то Комитет принял к сведению утверждения заявителя о том, что, несмотря на многочисленные шаги, предпринятые с целью выявления примененных пыток, не было инициировано никакого расследования с целью установления фактов и лиц, несущих ответственность за эти деяния; следственный судья и судьи, которые должны были рассматривать это дело, не заявляли ходатайств о привлечении эксперта, несмотря на утверждения заявителя; и что генеральный прокурор Республики до сих пор не начал никакого расследования, несмотря на то, что об актах пыток было сообщено на первых слушаниях по делу заявителя в марте 2010 года. Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что это сложное дело и что прокурору Республики следует дать время для расследования фактов. Комитет ссылается на свою практику и напоминает, что государство-участник должно незамедлительно проводить беспристрастное расследование, когда имеются достаточные основания полагать, что была применена пытка<sup>26</sup>. В этой связи Комитет отмечает, что по прошествии пяти лет после событий никаких мер по жалобе заявителя, как представляется, принято не было и что, кроме того, государство-участник не представило никаких доказательств проведения какого-либо расследования по этому вопросу. Комитет считает, что такая задержка с началом расследования утверждений о применении пыток представляет собой явное злоупотребление и нарушает обязательства государства-участника по статье 12 Конвенции, которая требует проведения быстрого и беспристрастного расследования во всех случаях, когда имеются разумные основания полагать, что была применена пытка. Не выполнив это обязательство, государство-участник также нарушило предусмотренное статьей 13 Конвенции обязательство обеспечить заявителю право на предъявление жалобы, которое предполагает, что власти примут в связи с этой жалобой надлежащие меры путем проведения быстрого и беспристрастного расследования<sup>27</sup>.

7.11 В связи с предполагаемым нарушением статьи 14 Конвенции Комитет принимает к сведению утверждения заявителя о том, что государство-участник лишило его возможности получить возмещение, поскольку не приняло никаких мер в связи с его жалобой и не провело незамедлительного расследования. Комитет отмечает, что государство-участник ограничилось заявлением о том, что в отсутствие доказанного акта пыток не может идти речи о праве на возмещение ущерба. Комитет ссылается на свое замечание общего порядка № 3 (2012) о применении статьи 14 государствами-участниками<sup>28</sup> и, в частности, на то, что возмещение за акт пыток должно обязательно охватывать весь ущерб, причиненный жертве, и включать, среди прочего, реституцию, компенсацию и гарантии неповторения с учетом обстоятельств каждого конкретного дела<sup>29</sup>. Ввиду отсутствия оперативного и беспристрастного расследования, несмотря на многочисленные утверждения заявителя о применении пыток, подтвержденные целым рядом доказательств, против которых государство-участник не представило убедительных контраргументов, Комитет приходит к выводу, что государство-участник не выполнило свои обязательства по статье 14 Конвенции.

8. Комитет, действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции, приходит к выводу, что представленная ему информация свидетельствует о нарушении государством-участником статьи 1, пункта 1 статьи 2, рассматриваемого в совокупности со статьей 1, статей 11, 12, 13, 14 и 16 Конвенции.

<sup>26</sup> *Али Бен Салем против Туниса*, п. 16.7; и *Абдельмалека против Алжира*, п. 11.7.

<sup>27</sup> Сообщение № 376/2009, *Бендиб против Алжира*, решение от 8 ноября 2013 года, п. 6.6; и *Нтикараера против Бурунди*, п. 6.4.

<sup>28</sup> См. замечание общего порядка Комитета № 3, п. 2.

<sup>29</sup> *Али Бен Салем против Туниса*, п. 16.8.



9. В соответствии с пунктом 5 правила 118 его правил процедуры Комитет настоятельно призывает государство-участник: а) провести беспристрастное расследование указанных событий с целью привлечения к судебной ответственности лиц, которые могут быть виновны в обращении, которому подвергся заявитель; б) предоставить заявителю соответствующее возмещение, включая компенсацию материального и нематериального ущерба, реституцию, реабилитацию, удовлетворение и гарантии неповторения; с) принять все необходимые меры для предотвращения любых угроз или актов насилия, которым может подвергнуться заявитель или его семья, в частности за подачу настоящего сообщения; d) информировать в течение 90 дней с даты передачи настоящего решения о мерах, принятых в соответствии с вышеуказанными выводами, включая компенсацию заявителю и меры, принятые для недопущения каких-либо репрессий в отношении заявителя и его семьи.

---